

УДК 323
ББК 66.3(2Рос)
Ш 36

Оформление *Б. Б. Протопопова*

Шебаршин, Леонид Владимирович.

Ш 36 Рука Москвы / Леонид Шебаршин. – Москва : Алгоритм, 2014. – 336 с. – (Гроссмейстеры тайной войны).

ISBN 978-5-4438-0823-9

В марте 2012 года трагически погиб бывший начальник внешней разведки СССР Л.В.Шебаршин – по официальной версии, он покончил жизнь самоубийством. Его смерть вызвала множество слухов в российском обществе, поскольку Леонид Шебаршин был одним из самых осведомленных высших руководителей КГБ.

В книге, представленной вашему вниманию, Л.В.Шебаршин рассказывает о своей жизни и деятельности на протяжении более чем тридцати лет; о событиях, вызвавших «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века» – развал Советского Союза. Показана картина противостояния советской разведки и западных спецслужб, а также роль последних в крахе СССР и установлении новой политической системы в России.

**УДК 323
ББК 66.3(2Рос)**

ISBN 978-5-4438-0823-9

© Шебаршин Л.В., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

30 марта 2012 г. выстрелом из наградного пистолета в висок покончил с собой последний начальник советской внешней разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. Ушел из жизни выдающийся профессионал своего дела, знаток Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, редкий по теперешним временам эрудит и книголюб. Человек глубоких демократических убеждений оказался ненужным в 1991 году новым вождям России, для которых «демократия» была только «крышей», а понятие чести вообще неведомым. В 56 лет талантливый руководитель советской разведки был уволен, и государство больше никогда не обращалось к его опыту, знаниям, интеллекту.

Л. Шебаршин — сын простого сапожника из Марьиной Рощи — своими природными талантами и упорным трудом завоевал место в подлинной интеллектуальной элите нашего государства. Оказавшись ненужным новым властям, он посвятил себя литературному труду. Читатель сейчас держит в руках его книгу «Рука Москвы» — литературный дебют автора, который сразу привлек внимание необъятно широкого круга читателей. Достоинство книги в ее абсолютной правдивости, авторской независимости от каких-либо внешних факторов. С момента выхода в свет первого издания прошло 20 лет, но «Рука Москвы» (записки начальника советской разведки) не подвластна времени. Сам автор незадолго до своего ухода из жизни, признавался в кругу своих близких друзей, что он верен всем тем характеристикам событий и людей, которые вошли в книгу. Он только жалел, что излишне жестко оценил поведение тогдашнего Председателя КГБ В.А. Крючкова, которого он назвал предателем. Настоящим предателем оказался назначенный новыми «демократическими властями» новый Председатель КГБ В. Бакатин, нанесший

своими действиями непоправимый ущерб интересам безопасности государства.

Успех «Руки Москвы» потребовал продолжения литературного творчества. За ней последовали «Один день из жизни начальника разведки», «И жизни мелочные сны» — чудесное лирическое размышление о смысле жизни с изрядной долей грустинки, «Хроника безвременья» — жгучий иронический приговор наступившим временам. Но «Рука Москвы» остается несущей колонной его мировоззрения, блестящим образцом честной мемуарной литературы.

Крушение СССР породило поток воспоминаний, написанных участниками и свидетелями трагических событий, приведших к гибели исторической России, но огромное большинство этой «литературы» пропитано либо бросающейся в глаза ангажированностью, либо желанием отмежеваться от своей доли ответственности за происшедшую катастрофу.

Одни из шкурных соображений преувеличивают свою роль в сокрушении «советского монстра», другие из страха перед судом истории стараются умолчать о сути происходивших событий. Л. Шебаршин предельно честен перед читателем и корректен с теми, кому упоминание в книге могло нанести ущерб.

Уход из жизни Л. Шебаршина вызван внезапно обрушившимся на него тяжелым нарушением кровообращения, вызвавшим полную потерю зрения и паралич нижних конечностей. Но этот обвал был подготовлен хронической, неизлечимой болезнью, не покидавшей Леонида Владимировича никогда. Эта болезнь называется ностальгией по утраченному великому прошлому нашего государства и горечью за его нынешнее бедственное положение.

До конца своих дней он оставался настоящим государственным ком, пламенным патриотом России. От нынешних перестройщиков и реформаторов, вы, дорогие читатели, таких книг уже не дождетесь. Пора кристально честных и преданных Отечеству людей, боюсь, прошла, и еще больше боюсь, что надолго.

*Николай Сергеевич Леонов,
коллега по работе*

Любит ли свое дерево зеленый листок? Просто он — лишь с ним связанный, лишь ему принадлежит. И пока связан, пока зелен, пока жив, должен верить в свое родное дерево. Иначе во что же верить? Иначе чем же жить?

Михаил Осоргин

...Любезный приятель!.. буде последующее описание жизни моей не будет для вас таково любопытно, весело и приятно, как вы себе воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мне не достанется другого делать, как пересказывать вам только то, что действительно со мною случилось, и вы сами, верно, того не похотели б, чтобы я для украшения моего сочинения или для придания ему более приятности стал выдумывать небылицы или затевать и прибавлять что-нибудь лишнее к бывшим действительно приключениям.

*«Жизнь и приключения Андрея Болотова,
описанные самим им для своих потомков»*

23 сентября 1991 года я последний раз вошел в просторный кабинет начальника Первого главного управления КГБ СССР. За окном березовая рощица, тронутая золотом осеннего увядания. Полки с книгами, портрет Ф.Э. Дзержинского и афганский пейзаж на стене, полдюжины молчащих телефонов, ни единой бумаги на столе. На полке фотография улыбающегося маленького мальчика. Это мой внук Сережа.

Я занимал этот кабинет с 6 февраля 1989 года, проводил в нем по 13—15 часов в сутки, работал в выходные дни, переживал горести и радости, читал тысячи документов и беседовал с сотнями людей. Здесь, как мне казалось, ощущалось биение сердца планеты.

Надо запомнить все это. Если когда-то и доведется вновь побывать в этом кабинете, то только в качестве гостя.

С утра я был на Лубянке, в основном здании комитета, и начальник секретариата КГБ Д.А. Лукин по телефону известил меня, что указом Президента М.С. Горбачева я освобожден от должности заместителя председателя — начальника Первого главного управления КГБ СССР. Соответствующий приказ подписан и председателем В.В. Бакатиным. Думается, что комитетское начальство могло бы найти более корректный способ сказать начальнику разведки, что его почти тридцатилетняя служба завершилась. Впрочем, это несущественно.

Я прощаюсь с делом всей своей сознательной жизни. Вот это существенно...

Человек в молодости не может поверить в то, что жизнь когда-то кончится. Он живет так, будто в удел ему отведена вечность.

Под старость осознание конечности земного существования становится реальностью, неотъемлемой и привычной частью бытия. Об этом напоминают все фотографии давно ушедших из этого мира родственников и друзей; книги, где умные люди былых времен делятся своими радостями и горестями, ведут нескончаемые споры, раздумывают о смысле всего сущего; напоминают об этом старинные здания, покинутые навсегда их обитателями. Так было, так будет впредь.

Случается, что служба и жизнь составляют для человека единое целое, причем все светлые черты того, что именуется жизнью, с течением лет все больше и больше подчиняются интересам службы, растворяются в ней. Неприметно для себя человек начинает тосковать, отрываясь от своего дела, от рабочего места, чувствует себя потерянным в дни вынужденного безделья, которые бывают у него так редко. «Успешная служебная карьера, как и преступление, карается лишением свободы», — иронизирует сам над собой служивый.

Работа, которой долгие годы занимался я и мои коллеги, интереснее, увлекательнее всего, на мой взгляд, что могла предложить жизнь. Так мне казалось и кажется до сих пор.

Жизнь — часть работы, и всегда думалось, что они пресекутся одновременно.

Не получилось. Служба кончилась, продолжается жизнь. Продолжается и то дело, ничтожной частичкой которого была моя работа. Это дело началось за столетия до моего появления на свет, оно не завершится до тех пор, пока живет Россия. Будут приходить все новые и новые люди, они будут умнее, образованнее нас, они будут жить в ином, не похожем на наш, мире. Но они будут продолжать вечное дело, частью которого были мы и наши безвестные предшественники, они будут служить обеспечению безопасности России. Помогите им Бог!

Незадолго до отставки, в июле 1991 года, журналист спросил меня в интервью: «Что вспоминает разведчик в старости?»

Полушуткой я ответил ему: «Это покажет очень недалекое будущее». Слова оказались пророческими, и будущее, о котором мы говорили, наступило невероятно быстро. Оно стало моим настоящим.

Разведчику нужна хорошая память. Отставному разведчику нужно умение выборочно забывать. Не замалчивать, а именно накрепко забывать все то, что может так или иначе нанести вред людям живым или бросить тень на память умерших. Прошлое всегда с нами. Неосторожное слово о событии, которое, казалось бы, принадлежит истории, вдруг осязаемо вмешивается в людские судьбы. Вот одно из правил, которым я руководствовался, берясь за перо.

ЗАЧЕМ НУЖНА МОЯ РАБОТА

Все живое вынуждено отстаивать свое право на жизнь. Выживает сильнейший — будь то животное, человек, организация, страна. Какое-то время может жить и слабый, но лишь постольку, поскольку его терпят сильные.

Среди бесчисленного множества обстоятельств и причин, влияющих на судьбу индивидуума или общественного организма, решающую роль играет знание как основа действия. Формулой «знание — сила» английский философ Фрэнсис Бэкон выразил универсальный, вечный и важнейший закон природы. Эта формула должна бы стать девизом одного из древнейших явлений в истории человеческого общества — разведки, искусства приобретения и приумножения знания о том, что сознательно скрывается. Уточняющее определение «сознательно» необходимо, поскольку познанием до времени неизвестных предметов и явлений, извечно существующих в природе, занимается наука.

Разведка — инструмент, с помощью которого человек проникает в то, что другой человек пытается скрыть. Возможно и более широкое толкование разведки — выяснение обстоятельств, которые благоприятствуют или препятствуют осуществлению того или иного действия, связанного с риском для замышляющего. Пример такого разведывательного предприятия дает один из самых ранних (хотя недостоверный в деталях, но неопределимый по проникновению в оставшиеся неизменными на протяжении тысячелетий мотивы человеческого поведения) источников — Библия. Сорок дней и ночей плавал праведный Ной по водам Всемирного потопа, пока не пристал его ковчег к склону Арарата. Мудрый кормчий не стал рисковать жизнями чистых и нечистых, томящихся на борту его судна. Он послал в разведку ворона — безре-

зультатно, затем — голубя — с тем же успехом, и лишь следующий голубь возвратился со свежим масличным листом: Ной узнал, что вода сошла с земли. Это классический пример разведывания обстановки с помощью доступных в то время технических средств.

Казалось бы, все изменилось с библейской поры. Нет ничего общего между техническими средствами наших и тех стародавних времен, но необходимость заменить невежество знанием, неуверенность — определенностью остается.

Разведка должна иметь четко определенные цели для того, чтобы работать эффективно. Постановка целей для разведки — прерогатива и обязанность высшего руководства страны. Эти цели вытекают из политических и экономических задач, стоящих перед государством. Чем энергичнее решаются эти задачи, тем результативнее работает разведывательная служба.

В этих условиях складывается четкий механизм обратной связи, поступающая информация побуждает творцов политики к действиям, эти действия, в свою очередь, требуют дополнительных данных. Разведка находится под постоянным контролем государственного руководства, с нее строго спрашивают за ошибки и упущения, но высоко оценивают успехи.

Разведка — инструмент политики. Она не может заменить политику и сама формулировать свои задачи. Ослабление требовательности верхов, отсутствие интереса к разведывательной информации могут вызываться различными причинами. Власть может быть ослеплена сознанием собственного всемогущества и всезнания, она с презрением отвергает все то, что идет вразрез с ее концепциями. Так поступил Сталин накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в 1941 году. Иногда надежные и авторитетные источники разведки лишь подтверждают какие-то, ставшие известными ранее, данные. Высокопоставленное невежество не преминет в этом случае язвительно отметить, что оно уже читало это в газетах.

Мир секретности и мир открытости не отгорожены друг от друга непроницаемым барьером, они питают друг друга.

Разумный политик не ожидает найти сенсационные сведения в каждом разведывательном сообщении. Секретная информация помогает корректировать видение того или иного процесса или события, вскрывает его реальную подоплеку, позволяет определить дезинформационный компонент.

В информации не нуждается не только высокомерное могущество. Она не нужна и власти, парализованной собственной слабостью. Утрачивая контроль за внутривнутриполитическими процессами, беспомощно наблюдая за распадом государства, дезинтеграцией общества, нарастающей экономической разрухой, такая власть теряет способность проводить осмысленную, самостоятельную внешнюю политику. Власть с закрытыми глазами делает то, что диктуют ей неумолимые обстоятельства.

Любой инструмент — перо, скальпель, компьютер, молоток — полезны только тогда, когда их держат умелые и твердые руки.

Главный вопрос, который рано или поздно встает перед каждым человеком: «Зачем я? В чем смысл моей жизни? В чем смысл моей работы?».

Было бы чрезвычайно наивно отыскивать ответ на вопрос о смысле жизни, и не потому, что вопрос не важен. Трудно ответить на этот вопрос. Можно, пожалуй, остановиться на одном из привлекательных кратких определений: «смысл жизни в служении людям» или «...в служении Богу». Но попытка построить логическую цепочку (...в служении людям. А смысл жизни тех людей, которым некто посвящает свою жизнь? В служении другим людям? А для тех, других?) приводит человека в зависимости от склада характера либо к выводу, что «жизнь прекрасна и удивительна», либо что «жизнь бездонна, пуста и бездонна», либо «жизнь... такая пустая и глупая шутка».

Это разные полюса поэтического восприятия жизни, которое удивительным образом совпадает с житейски-философскими воззрениями и в конечном итоге ничем не уступает глубокомысленному и неосознанно-пессимистическому суждению «жизнь есть способ существования белковых тел».

В качестве отправной точки для дальнейших рассуждений можно взять такую, не бесспорную, но совершенно необходимую для людей нашей профессии дефиницию: «Смысл жизни в служении делу». Не поклонение, не восхваление, не клятвы, не просто работа, не служба, а служение делу. Эта ступень достигается тогда, когда дело становится неосознанным, недеклалируемым стержнем существования, когда каждый шаг соотнобразуется с интересами дела, когда дело, не вытесняя житейские, духовные, интеллектуальные интересы человека, неприметно формирует их, превращая в ненужное и раздражающее все, что способно помешать делу. Если это «психология винтика», то я винтик — в меру своих способностей мыслящий, видящий свое место в порядке вещей, сознательно принимающий и приветствующий свою принадлежность делу, которое дает смысл моей жизни, и благодарный за это судьбе.

Для того чтобы служить делу, надо верить в его правоту, в то, что оно является частью чего-то большего, чем жизнь любого из его участников. Может быть, принять за точку опоры общечеловеческие ценности?

Нам долго морочили голову приматом классового подхода ко всем явлениям действительности. «Морочили» — не потому, что в мире нет классовой борьбы. Понятием «классовая борьба» пользовались как ломиком, который способен взломать любую дверь, пробить любую стену или, в необходимых случаях, голову, дерзнувшую усомниться в мудрости власти. Опора на классовую борьбу, защиту угнетенных и эксплуатируемых в мировом масштабе вела к тому, что политика и идеология нашего государства независимо от своекорыстия, ограниченности или, напротив, благородства и самоотрешенности его отдельных руководителей принимали мессианский характер. Стремлением сказать миру новое слово, помочь миру выпутаться из тенет заблуждений и направить его на путь истинный Россия отличалась издревле. С течением времени и изменением обстоятельств усиливался соблазн перейти от проповедей к практическим мерам. Чтобы привести мир к торжеству социализма, а следовательно

но, торжеству справедливости для униженных, оскорбленных и угнетаемых, к торжеству классового подхода, нужны были жертвы со стороны тех, чьим трудом, кровью и потом создавалось наше Отечество, — со стороны трудового народа России. Во имя классовой солидарности его доля в общечеловеческих ценностях — хлеб, жилье, работа, свобода — неумолимо урезалась.

Времена изменились. В основе политики — «общечеловеческие ценности». Однако Десять заповедей, Тора, Коран, Зендавеста, Грант сахиб, Веды и прочие священные тексты не мешали людям на протяжении столетий грабить, жечь огнем, топить в воде, насиловать друг друга. Христианские, мусульманские, арийские и прочие ценности, воспринимавшиеся их носителями как универсальные и окончательные, служили моральным оправданием неисчислимого множества сокрушительных войн и набегов — от крестовых походов до вторжения Гитлера в Россию. Эти же ценности освящали и вековую несправедливость разделения человечества на богатых и бедных, на сильных и сирых и убогих, бояр и холопов.

Таким образом, мы оказываемся между Сциллой «классового подхода» и Харибдой «общечеловеческих ценностей». Судя по историческому опыту, неразборчивое применение последних совершенно определенно принесет не меньше горя, чем применение первых. В конце концов, лом остается ломом, даже если его назвать, скажем, дирижерской палочкой.

На что же опереться? Частью чего является дело, которому мы служим? Во что верить?

Едва ли стоит перечислять все то, во что по простоте душевной, по привычке полагаться на мнение тех, кто должен быть умнее нас, по легкомыслию верили мы, наши отцы, деды и прадеды. Мы горестно или радостно расставались со старыми заблуждениями лишь для того, чтобы сменить их на новые. Но на протяжении поколений для нас существовали и другие ценности. Мы верили в то, что добром должно воздаваться за добро и злом за зло, что долг платежом красен, что каждый человек, которому хуже, чем тебе, заслуживает сострадания и помощи, что рука дающего не оскудевает, что се-

мья — это не «ячейка», а семья и надо постоянно заботиться о своих дорогих и близких, что почетно «положить душу свою за други своя». Мы верили в то, что мы часть великого народа с великой героической и трагической историей, народа уникального и неповторимого, как единственны и неповторимы все другие народы. Мы верили, что то единство земли, людей и истории, которое называется Отечеством, выручит нас в тяжелый час, спасет от недруга, как спасало оно наших предков от татар, поляков, шведов, французов, немцев. Много сетовали русские люди на свое Отечество, кляли его порядки, временами бунтовали, но сплывались на его защиту в лихолетье, прощали ему свои беды, ибо знали, чувствовали, верили, что дороже Отечества ничего нет.

Мы есть, мы живы, мы чувствуем себя людьми лишь потому, что у нас есть Родина. На этом мы будем стоять и с этой точки оценивать прошлое, судить о деяниях своих предшественников и современников, взирать в беспокойное будущее.

Так проясняется и суть нашего дела. Благо Отечества, благо народа, живущего на шестой части земной суши, — выше идеологических споров, личной и групповой корысти, политики сегодняшнего дня, выше амбиций и обид.

Но, возражаю я сам себе, видимо, о благе народа, Отечества пекутся и те, кто сейчас в перерывах между зарубежными поездками за чужой счет яростно топчет наше прошлое и настоящее, пытается тащить нас в будущее шведского ли, швейцарского или израильского образца? Разве они не патриоты? Спор на эту тему мог бы тянуться бесконечно. Ясно одно: единое, мощное, сплоченное государство на огромных европейских пространствах не будет оставлено в покое ни Западом, ни Востоком. Причина не в том, что оно угрожает чьей-то безопасности. До тех пор, пока оно существует в таком качестве, в мире невозможна монополия власти — военной, политической или экономической, невозможно господство никакой коалиции.

Возможно ли, что мир изменился, нам никто не угрожает, Запад собирается не грабить, а помочь России? Но для этого надо всего лишь цивилизоваться по западному образцу. Мо-

жет быть, и возможно, но заплатить за это надо тем, чтобы позволить Западу упорядочить нашу неустроенную жизнь. А что, если, в отличие от стреляного воробья, мы вновь и вновь даем провести себя на мякине?

Десятилетиями мы следили за маневрами внешних сил, противников и партнеров, выявляли их тайные замыслы, подсказывали направления ответных ходов, вступали в острейшие схватки, несли потери. И всегда, в самых тяжелых обстоятельствах присутствовала мысль — за нами Отечество, мощное, неколебимое государство, за нами великий народ. Мы даже верили словам «бастион мира и прогресса», а иногда «...мира и социализма». Противник не осмелился брать бастионы штурмом. Он добивается своего измором и изменой.

Борьба за Отечество продолжается на новых рубежах. Они неизмеримо ближе к сердцу России. Доля вины за все происходящее лежит и на нас. Так нужно ли сегодня наше дело? Нужно. Необходимо.

МАРЬИНА РОЩА

Когда-то стоял в 14-м проезде Марьиной Рощи двухэтажный деревянный домишко под номером «15». Окружали его такие же серенькие домики с подслеповатыми окошками, дырявыми крышами, «удобствами» во дворе. Весной и осенью Марьиная Роща утопала в грязи, летом страдала от пыли и мух. Те деревья, которые когда-то росли во дворах, исчезли вместе с заборами в начале войны — топить было нечем. И, пожалуй, не существовало в Москве места, которому так не подходило бы название — роща.

Тесно и скучно жили марьинорощинские обитатели — сапожники-кустари, извозчики, скорняки, рабочие небольших окрестных заводов и мастерских. В каждой квартирке жило по две-три семьи, по семье на комнату, и все пользовались одной кухней, где с трудом помещались кухонные столы. От невероятной тесноты люди часто ссорились и в то же время охотно помогали друг другу, принимали близко к сердцу чужие горести, хорошо знали всех до единого жителей и своего, и окрестных проездов. Были там семьи, искони имевшие репутацию непутевых, — пьяницы, бездельники, мелкие воришки. В большинстве же населяли Марьину Рощу трудовые, не шибко грамотные, но очень неглупые, простые и порядочные люди — русские, татары, мордва, евреи.

Дом, в котором я родился и прожил двадцать восемь лет, строили еще до революции. Поселилась там семья Лаврентьевых — дедушка Михаил Андреевич, бабушка Евдокия Петровна, их семеро детей. Семья прожила в этом доме до 1969 года. Конечно, семья изменилась — умирали старшие, появлялись младенцы, отселялись дядья и тетки, погиб на войне мой дядя Евгений Лаврентьев (было ему в ту пору немногим более семнадцати лет). Центром семьи была моя бабушка Евдокия Петровна.

Бабушка (она умерла в 1974 году восьмидесяти восьми лет от роду) рассказывала, что приехала в Москву со своим мужем Михаилом Андреевичем в 1903 году из подмосковной деревни Гари Дмитровского района. Были дед и бабушка мастеровыми людьми, сапожниками, и нанялись в Москве, в Дорогомилове, на работу к хозяину. Обжились в Москве, скопили деньги — оба были работающими и хозяйственными — и переехали в Марьину Рощу, где и обосновались надолго.

Дед мой, Михаил Андреевич, умер до моего рождения. Знаю по рассказам, что в 1904—1905 годах он участвовал рядовым солдатом в войне с Японией, вернулся революционно настроенным и всячески ругал царя Николашку. Воевал он и в империалистическую войну. Революционером в сегодняшнем понимании этого слова он, конечно, не был и бунтовать не бунтовал, но к власти относился очень критически. Дед открыл маленькую сапожную мастерскую, где работали он сам да бабушка, и так и остался до конца своих дней в разряде кустарей-одиночек. Была такая промежуточная социальная прослойка, не очень в СССР уважаемая, но и не очень хулимая. Бабушка же продолжала заниматься башмачным ремеслом (была она «заготовщицей», то есть делала сапожные и башмачные верха) до старости.

Был у бабушки в тринадцатиметровой комнате, казавшейся тогда нам очень просторной, рабочий уголок — стояла там швейная машинка «Зингер», а на ней были разложены всякие привлекательные для мальчишек предметы: острые сапожные ножи, молоток, мрамор, на котором срезались края кожаных заготовок, кусок свинца для просечки в этих заготовках дырок. Удержаться от соблазна со всем этим поиграть было трудно, и то и дело раздавался горестный бабушкин голос — опять кто-то чинил карандаш сапожным ножом, или забивал гвозди сапожным молотком, или крутил и разладил машину. Тесно было, ребятишек много, и отгородиться или закрыться от них было совершенно невозможно.

Жили мы, несколько родственных семей, в разных комнатах, но все всегда тянулись к бабе Дуне. Ее ремесло и доброта здорово выручали нас во время войны. Очень туго при-